

Орхан ГУЛИЕВ

В КЛЕТКЕ СО ЗВЕРЕМ

КНИГА ВТОРАЯ

**КОГДА ОТ МЕНЯ
ВСЕ ОТВЕРНУЛСЯ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Орхан Гулиев
В клетке со зверем.
Книга вторая. Когда от
меня все отвернулись.

*<https://litres.ru/74548044>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Мрачная антиутопия о падении мира, где цинизм и война поглотили человечество. Демократия превратилась в инструмент насилия, а люди — в жертв и палачей. Истории Киры, Евы, Гектора, Самира и многих других персонажей раскрывает зло изнутри: концлагеря, пытки, предательство, потерянные судьбы. Книга о том, как цивилизация скатывается в Апокалипсис, а демократия приносит смерть. Роман-предупреждение о природе зла и цене свободы.

Содержание

.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Орхан Гулиев

В клетке со зверем.

Книга вторая. Когда от меня все отвернулись.

•

ББК 84(2)

Гулиев О.

**В клетке со зверем. Книга вторая. Когда от меня все
отвернулись :** роман /

Орхан Гулиев. – Владикавказ: Издательство “Литера” ИП
Цопанова А.Ю., 2015. – 156 с.

ISBN 978-5-00081-093-4

Охраняется законом РФ об авторском праве.

Воспроизведение всей книги или любой её части запрещается

*без письменного разрешения автора. Любые попытки
нарушения закона будут преследоваться в судебном по-
рядке.*

Пролог

Мир дошел до пика своей извращенности, своего цинизма. Сначала военные действия вспыхивали совершенно в разных точках мира, постепенно вовлекая в безумие все существующие страны. Пытаясь найти виновных, главы самых мощных держав начали крупномасштабную войну с исламскими государствами. Многим давали выбор. И многие его сделали. Семь лет... Семь лет люди старались не верить в то, что давно настигло их. Постепенно пожирая друг друга, каждый верил в свою собственную правоту, не замечая, как ты-

сячи людей истребляются в совершенно не нужных им войнах. Планета сократилась на треть жителей, и будто не замечая этого, люди продолжали жить. В то время, как в одних местах люди продолжали жить словно в искусственном мире, где, как в далеких нулевых годах 21-го века, все копошились подобно рабочей силе в огромном муравейнике, и, несмотря не на какие трудности, пытались держать свою жизнь в рамках давно заштампованных правил, в эти минуты, перед их остекленевшими глазами, кого-то безнаказанно, привычно распинали, заливая свои лица кровью невинных. Это происходило и в странах, где царила война, и в местах, где все еще господствовал кокон лжи демократии, повсюду источающий елейные слова, внушая одурманенным жителям «острова дураков»: «Вы все еще живете в цивилизованном обществе. В нем каждый равен. И каждый может уверенно сказать, что он добьется всех своих намеченных целей. Если вы читаете нас или слушаете, то... Добро пожаловать ...

В КЛЕТКУ СО ЗВЕРЕМ!

КНИГА ВТОРАЯ

КОГДА ОТ МЕНЯ ВСЕ ОТВЕРНУЛИСЬ

Глава 1. Идолы

1.

Я слышу эту музыку... Их смех. Они гогочут, смакуя на-

ши унижения. Любуясь нашей болью. Глаза их блестят, когда видят проступающую кровь. Они главные везде. Они победители по жизни. На них хотят ровняться. Стремятся к их величию. Но кто знает, кто они на самом деле? Я!!!

Я видела их на экранах телевидения, как они стоят с инвалидами, любезно обнимают стариков и матерей. Невинно играют с детьми. Для вас они просто боги. Блаженные, которые спустились с небес. И вы закидаете меня камнями, если я только попытаюсь показать их в плохом свете. Пусть так. Грядет то, отчего не спрячут крупные купюры, которыми машут перед всеми, устанавливая в жизни одну лишь цель для каждого – деньги. Поднимешь ли ты ребенка, который полураздетый протягивает в лютый мороз руку на дороге, прося одну единственную монету, которая у тебя завалялась в кармане и попросту, и тебя не греет, и подать тебе ее как-то неудобно, и ты проходишь мимо. Поднимешь ли ты его с лужи, в которой он почти умер, спасешь ли от тех, кто его туда посадил, или же сделаешь выбор в пользу утехи твоей души – бумажек, которые будут лежать перед тобой, даря тебе умиротворение в твоём изматывающем вечном беге по кругу. Ведь с помощью них ты сможешь приблизить мираж – райскую жизнь. Что ты выберешь, если тебе отведут одну лишь минуту?

Вижу, словно в черно-белом кино, как они побежали бы к этим деньгам, растаптывая лужи под своей обувью, в то время, как ребенок сделал бы свой последний выдох, падая под

топчущие ноги ринувшихся, как бешеные голодные псы на кусок мяса, даже не замечающих, что опрокинули навзничь этого дитя своим рывком к добыче: все это, как в замедленной съемке. Лишь музыка возвращает меня туда, где бы я никогда не хотела быть. Такая душещипательная песня «time to say goodbye»... под приглушенный багровый свет.

2.

Они сидят в широком кругу, на креслах из пахучей кожи. Один из них курит. Другой, невысокого роста, в теле, пьет виски со льдом, и, допивая, встает, начиная подтанцовывать в такт песни, сопровождая это медленными движениями рук. Его торс обнажен и покрыт густыми волосами, также как и руки. Рукой он случайно задевает толстый золотой крест на груди, который тут же целует, начиная креститься. Замерев на несколько секунд, он поднимает затем свой взгляд на нас. Стоя на четвереньках, я смотрела в его глаза, а Ева покорно опустила голову, находясь в таком же положении по правую сторону от меня. Он направился в угол, куда не доходил свет. Вышел он из него уже полностью голый, с длинной цепью в руках. Обошел нас. На мою спину упали холодные звенья металла, они медленно скользили сверху вниз. Ева задрожала, предчувствуя, что за этим последует. Последовал первый удар по нашим спинам. Удар был жгучим, но не сильным. Затем последовал еще один удар, от которого Ева вскрикнула, я же стиснув зубы, продолжала тер-

петь. Затем еще! И еще! Они хохотали и тыкали в нашу сторону пальцами. Мне было приказано ползти к ним на четвереньках и облизывать их ноги, в то время, как мою напарницу безостановочно били.

– Не оборачивайся, сука, а делай, что тебе велят! Только посмей посмотреть на нее!

Целуя и облизывая их ноги, я слышала крик Евы. Она просила прекратить, просила, чтобы он остановился...

– А теперь приступай. Подползай к каждому и широко открывай ротик.

Один из них ударил меня ногой в лицо.

– Куда? Ближе!

Последовал плевок в лицо.

– Помог... Помогите мне!!! – доносился крик Евы, и безостановочные звуки удара цепи почти перебивали ее крик.

– Заглатывай, пока я не удушил тебя!

– Саша, как думаешь, в ту суку, которую забивает Джек, влезет вон тот предмет?

– Это же лезвие.

– Все для народа. Мне лично не жалко даже последнего кинжала. Я подарю ей несколько.

– Нет, не надо!!!... Мамочки, о Господи!!!...

– Не оборачивайся, делай свою работу! Ты слышишь?! – измывающийся надо мной поднял меня за горло.

Он начал бить меня по лицу кулаком, а затем отшвырнул к ногам другого. В эти секунды крик Евы почти полностью пе-

рекрыл звук песни. К пустующему креслу подошел тот, кто избивал Еву.

– Подползай ко мне, сука. Подправим твоей подружке личико чуть позже. Нельзя ходить с таким красивым личиком. Не правда ли, Уильям?

Рядом с ним сидел министр культуры нашего нового государства – Уильям Хальтенктон. Пожилой седовласый старик посмотрел на намотанную на руку цепь обратившегося к нему грешника. А потом, как ни в чем не бывало, собрал с цепи стекающую кровь и попробовал на вкус.

– Безусловно, Саша. Если бы не наши жены и дети, мы бы даже женились на этих красавицах, – а затем с интеллигентным видом обратился ко мне: – Доченька, Вы не будите против, если я проверю все принесенные в это помещение предметы на Вас? Нет, нет, не пугайтесь, все колющие и режущие предметы проверяются на вашей подруге. Вы же потерпите?

Спустя семь часов, когда половина тех, кто считался лицом народа, уже покинуло помещение (одни из них за это время умудрились заняться сексом друг с другом на глазах у остальных), мне швырнули в лицо деньги и я... преодолевая силы, обернулась на Еву... Этот кусок изорванного мяса... в собственной крови, вокруг рассыпаны деньги и кокаин. Я же, также истекая кровью, собрала деньги с пола, и кое-как доползла до Евы.

– Все прошло. Они закончили... Ева... Ева?

– Эдриан... сыночек мой...

Я, рыдая, гладила ее по изувеченному лицу...

– Отнеси ему деньги... Кира... прошу тебя...

– Все хорошо, – рыдая над ней, я держала ее окровавленную руку. Я позабочусь о нем, – я, в шоке, который и помог мне здесь выжить, посмотрела на Еву... на ее израненное тело. Пытаясь скрасить последние минуты молодой матери-одиночки, я плакала от ненависти к этому миру, а не от боли. – Засыпай, девочка. Засыпай.

Униженная, заклейменная ходить вечно с опущенной головой, я вспоминала тот миг. Миг, когда от меня все отвернулись.

3.

Стук в дверь.

– Мамочка, это ты?

– Нет, Эдриан. Это мамина подруга. Я от мамы.

Дверь чуть приоткрылась.

– А где мама?

Ребенку было семь лет. Светловолосый, с круглым личиком и с голубыми глазами, он растерянно смотрел на стоящую в очках незнакомку.

– Она не может сейчас прийти, Эдриан, – Кира опустила взгляд. – Мне можно войти?

Маленький ангел впустил ее в квартиру и побежал на кухню. Это была небольшая студия с отделенной крошечной кухней. Света не было. Кира присела на диван. Часы раздра-

жительно тикали. Через несколько минут Эдриан неожиданно принес чашку чая госте.

– Попейте, он вкусный.

Еле сдерживая себя, чтобы не разрыдаться, Кира протолкнула в горло обжигающий глоток чая. В напряженно вязкой тишине чашка с блюдцем дрожала в ее руках, выдавая ее истинный приход. Она пыталась совладать с собой.

«Ты не возьмешь этого ребенка. Ты не посмеешь брать такую ответственность. Даже если ты пообещала ей...»

– Вот, спрячь, – она быстро вытащила из кармана пальто деньги и вложила в руки ребенку. – Позвони родственникам, скажи, что ты один... – и тут же встала, и направилась к выходу.

– Когда придет мама, мисс? – сквозь слезы говорил маленький Эдриан.

Стоя к нему спиной, Кира холодно ответила: – Мама не придет. Позвони родственникам, Эдриан.

– У нас с мамой никого нет. Мы одни. Почему она не придет? – не скрывая слез, хныкая, Эдриан смотрел на девушку.

Кира обернулась, посмотрев на ребенка.

– Она рядом, – она подошла к ребенку и прижала его к себе. – Все хорошо. Я буду с тобой, все хорошо, все хорошо, Эдриан. Не плачь.

Сняв очки, она сама начала плакать точно ребенок.

– Я с тобой... Я с тобой, мой мальчик...

Подобно сиротливым птицам, отбившимся от стаи, они

сидели и плакали, крепко обнявшись в темной комнате, в которую чуть пробивался серый свет улицы.

4.

– Брайан Барнз, Вы знаете, почему Вы здесь?

– Понятия не имею.

– То есть, Вы считаете, что нам нечего было делать, как тратить на Вас время? Составлять протокол задержания и прочее, прочее, прочее, что там еще у нас, Тони?

– Я не понимаю, что вам нужно от меня.

– Сегодня я добрый, Брайан. Сегодня особенно хочется поговорить вот с такими вот людьми, как ты. Мой сын пишет дипломную, на тему особенностей характера и мотиваций преступника. Кажется, было так. Я точно не помню. Суть не в этом. И вот мой мальчик сказал мне: «Папа, ты работаешь в органах. Можешь спросить у нескольких преступников, кем они себя считают? И какая мотивация у них была на тот момент, когда они совершали преступление?» Я ответил, что постараюсь помочь ему с его просьбой. Ох уж эти дети. Они всегда сладки нам. Матеря всегда так переживают за своих чад... Чтобы никто бы не обидел их, никто бы не ударил. Кто ты, Брайан?.. Я не слышу. Ты?..

Перед невысоким столом, на котором стояла лампа, а рядом с ней аккуратно примостились стопка свежих газет и пара остро наточенных карандашей, на громоздком стуле сидел мужчина в строгом костюме. Своим колючим взглядом

он внимательно осматривал сидевшего перед ним допрашиваемого, по бокам которого стояли двое.

– Брайан...

– Вы не того взяли...

Задававший вопросы искажил свой рот в предвкушающем кровь оскале, и резко ударил кулаком в лицо Брайана. В эту же секунду стоявшие по бокам громилы в форме скрутили за спину руки Брайана. Ударивший выскочил из-за стола и своей широкой ладонью схватил за лицо оглушенного от удара парня.

– Кто ты?!

– Я простой предприниматель...

Последовал еще один удар в лицо, два здоровенных амбала также присоединились к избиению.

– ТЫ МРАЗЬ! Отброс этого общества. От таких, как ты, нужно давно очистить нашу планету...

– Нет, пожалуйста!.. – свалив со стула беднягу, доблестные представители закона продолжали наносить удары ногами по животу, спине, лицу, старались попасть по почкам, словно не слыша, как, в конце концов, Брайан взревел в истерике, зовя на помощь. – Помогите!.. – один из избивавших полицейских со всей силы наступил на грудь Брайана, отчего тот судорожно забил ногами, спустя мгновение харкнув кровью.

– БИЛЛ! – мужчина в костюме кивнул куда-то в сторону, и один из обернувшихся громил тут же обратился к напар-

нику:

– Притормози, Тони, – и зачем-то вышел из комнаты.

Мужчина в костюме медленно подошел к Брайану, который, постанывая, лежал на цементном полу, оплеванном кровью. Затуманенным взглядом прошелся по его фигуре, и, безглаголиво передернув плечами, будто перед ним лежало ранее невиданное существо, наступил своей ногой, красовавшейся в до блеска начищенной туфле, ему на лицо. А затем, на миг задумавшись (стоит ли делать это), потянулся к внутреннему карману пиджака, где у него хранилась, на всякий случай, пачка сигарет. Не спеша достал одну сигарету, при этом нервно осматривал себя. У майора была навязчивая манера: он постоянно осматривал себя, выискивая невидимые постороннему глазу пылинки на своем одеянии. Иногда он так рьяно этим занимался, что приходилось, наблюдавшему этот очередной приступ «очищения», предусмотрительно несколько раз кашлянуть, чтобы отвлечь его от маниакального действия.

– Где Фрэнк, Брайан? – спросил он, перед тем, как закурить, – Ну? – вопрошающе вскинул он брови.

К этому моменту вернулся на свое место отосланный им бугай. В руках у него был прозрачный пакет.

– Курение вредит здоровью. Никак не могу побороть эту дурную привычку. Не советую увлекаться... Сажает почки, – майор сделал жадную затяжку. – Давайте его на стул. Игры окончились.

Страхнув пепел на стонущего человека, как на кучу мусора, майор сел на край стола, сделал еще одну большую заставку. От чувства собственной власти, при виде избитого заключенного, у него в голове опять навязчиво раздалась органный музыка – майор впал в экстаз. Он поднял вверх голову, словно именно с потолка над ним, кто-то следит за его действиями, точно читает все его мысли, и точно зная это, он еще больше старается показать свое рвение, чтобы угодить тому, кто всегда держит его в поле своего зрения. Он не смеет выпустить дым сигарет вверх. Это будет неуважением. Он оборачивается на взятого под стражу парня, оглядывает людей в форме и...

Державший пакет сам кивает, понимая безмолвный приказ.

5.

– Выходи медленно. Руки за голову.

– Не бойся, офицер.

– Без разговоров. Так... Медленно. Еще шаг. Чтоб я тебя видел.

Осторожно подойдя к преступнику, Рональд Томас застегнул на запястьях Фрэнка Миллера наручники. Целясь ему в затылок, Рон развернул его в сторону машины.

– Пошли.

– Кира, где же ты?

– Что ты сказал? Нагни голову! – усадив преступника на

заднее сидение, Рон быстро обошел машину и сел на водительское место.

6.

– Куда его девать? – вытирая тряпкой окровавленные руки (рукава белой рубашки были закатаны выше локтей, но все равно испачканы кровью), спросил один из сотрудников дознавательного отдела.

Мужчина в костюме и лакированных туфлях, обрызганных теперь уже кровью, глядя в окно и выкуривая очередную сигарету, вдруг резко обернулся и удивленно посмотрел на него.

– А ты не знаешь? Родственникам скажешь один из вариантов того, что всегда говорим. Все, не беси меня! Пошел вон отсюда. Это мясо оставьте здесь.

Двое покинули кабинет, и лишь один остался в нем...

– Ну, что, Брайан?.. – подходя к замученному парню, говорил майор, серьезным, изучающим взглядом пронизывая труп. – Надеюсь, Фрэнк скажет тебе спасибо, – сев на корточки, начальник отдела струхнул пепел на лицо Брайана.

– Никто не увидит твоего лица, Брайан. Никто не прочтет на нем твоего недоумения от того, что мы с тобой сделали здесь. Печально, не правда ли?..

– Сэр!

– Что? – обернулся он на голос.

– Фрэнка нашли.

– Центр, слышите меня?

Тягучие помехи не давали расслышать ответа. Ронни сидел в полицейской машине. Позади него, за металлической сеткой, разделяющей салон машины, находился парень, прикованный наручниками к поручню. Руки его находились в подвешенном состоянии и затекли. Капюшон молодого человека был сдернут, лицо его было открыто, а устремленный под ноги взгляд, раздражал впереди сидящего Ронни, который сидел в пол-оборота, и хотел взглянуть в глаза парня, наделавшего столько шума. Его почему-то раздражало все в этом парне: его непринужденный вид, этот взгляд, устремленный долу, укрывающийся под пушистыми ресницами. Ронни, держа рацию у губ, пытался связаться с центральным полицейским участком. Молчание парня даже пугало, и он боялся отвернуться от него, как будто тот вновь мог внезапно исчезнуть.

– Прием! Слышите меня? Центр...

– Сл... Слы..., да. У нас по...ехи.

– Это пятьдесят пятый. У меня преступник.

– Да, да... ..ышно. Слышно, – женский голос то замолкал, то снова прорывался сквозь глушащие помехи.

– Куда его везти?

– В центральн... нельзя. Там очень много...

– Чего много?

– Людей. В городе что-то происходит... Мы не знаем, ...

это. Что-то не...

– Вы меня слышите? Патрульная?

– Вез... его в двад... ..тый округ.

– Почему так далеко?

– Выпол...

– Стойте... Черт! – Рон в замешательстве обернулся на позади сидящего парня. – Чееерт, – вновь сквозь зубы процедил он.

Не зная зачем, Рон достал телефон, который находился в бардачке автомобиля.

Глава 2. Последние проблески света

1.

Его мальчики – Кевин и Артур уже дома. Слава Богу, Габриэла, мать Дебби тоже дома. Да к тому же его дед Конрад никогда не допустит беды, если он будет рядом конечно.

«Он хорошо справляется со своими правнуками. Надо проехать по окраине, на всякий случай. Доставить этого типа в участок и поехать домой...»

– Дальше они и без меня справятся, как думаешь? – неожиданно для себя обратился Рон к арестованному.

– Вы хотите услышать от меня слова поддержки? – вдруг легко пошел на контакт Фрэнки – а это был именно он. – Или Вы так разговариваете сами с собой, командир?

– Не умничай. И не вздумай сделать глупостей.

– Я уже их сделал... Куда меня везете?

Ронни обернулся и встретился со взглядом Фрэнка. На удивление, ему захотелось поговорить по душам с этим парнем. Но он ничего не сказал.

– Предчувствие чего-то плохого, командир?

– Из тебя получится отличный шериф, Ронни. Однажды, жизнь попытается сломить тебя, коварно соблазняя ступить на плохую дорожку, и вот тогда, придется выбирать: идти ли по дороге крутого шерифа, играющего только по своим правилам и законам тех, кто обещает ему богатства и власть, или же быть готовым наказать истинных виновных и защитить тех, кто нуждается в тебе. Никогда до конца не знаешь, кто истинный виновник – закон или человек, нарушивший его. Ты будешь справедливым шерифом?

– Да, деда. Я буду таким же крутым шерифом, как и ты. Я твой напарник, деда. Ты будешь меня прикрывать?

– Я всегда твоя скала, которая будет прикрывать тебя... До тех пор, пока бьется мое сердце... Мой маленький Ронни.

Пуля снова уселся на свой раскладной стул, вытащил тонкую сигарету (прежде чем раскурить, он размял ее пальцами). Ронни тогда было семь. Он слушал своего деда, как никто другой. Для него он был некий идол, что всегда поведывал что-то новое и интересное.

– У тебя появился новый зуб? – улыбнулся старик.

– Да, деда, новый жуб. А эти два ужасно болят. И шатаются, – жаловался он.

Он стоял перед сидящим дедом, и каждый раз с неподдельным недоумением и восторгом следил, как старик поджигает свою очередную сигарету, втягивая в себя едкий дым, от которого Ронни всегда хотелось чихать. Ему было интересно наблюдать за дедом, и эта утренняя прогулка вновь предвещала очередную порцию рассказов о подвигах старика, о которых Ронни еще не слышал. Взрывы, перестрелки... Когда Конрад начинал, как бы издалека, собирать по крупичкам новую историю, казалась, ты переносишься в сказочный мир, где царят пираты и дикий запад, все вместе взятые. Перемещаешься туда по мановению волшебства, как в красочную картину, и сам принимаешь облик одного из героев.

Ронни с нетерпением ждал очередного рассказа.

– Ты взял свое оружие?

Под оружием Конрад имел в виду два детских револьвера красного цвета.

– Сегодня, Рон, я покажу тебе в действиях одну из перестрелок моей молодости. Так что, можно сказать, ты примешь в ней участие.

Прячась за деревьями, Ронни делал вид, что перестреливается с дедом, который сидел на стуле, играя с внуком, параллельно рассказывая ему умопомрачительную историю. Иногда даже неохотно покидая свое удобное и насиженное место, тоже (очень медленно и пассивно) прятался за деревьями, брал один из поломанных игрушечных пистолетов внука и делал вид, что отстреливается, при этом, покуривая

сигарету, описывал действия бандитов, с которыми он якобы сражался в молодости. Ронни это очень заводило, дед точно-точно был похож на тех парней, что были в старых фильмах, которые он уже успел посмотреть. Фильмы про ковбоев, и поэтому не составляло особого труда представить себя в одном из этих приключений, когда с тобой играет настоящий шериф и гроза всех преступников!

Птицы разливались пением, так как утро казалось для всех ярким и счастливым. Вокруг все было наполнено жизнью.

– Эй, погляди, – приятным мягким голосом произнес Конрад, показывая в небо.

Ронни обернулся.

– Видишь?

– Нет.

Ронни оставил свои игрушечные пистолеты на зеленой траве и неуверенно подошел к деду, вглядываясь в ту точку, куда указывал старик.

– Птицы летят, – улыбнулся старик.

– Интересно, куда они летят, ведь еще не время перелетов?

– Они просто летают... Не чудо ли?

Небольшая стая птиц летела на северо-запад, утопая в небе, которое только начинало освещаться восходящим солнцем, заливаясь нежным целомудренным румянцем. Можно было почувствовать этот аромат... Аромат солнца и

неба. Аромат свободы. Свободы, которую чувствовали эти птицы.

– Так красиво летят... – мечтательно произнес Конрад.

– Красиво, деда.

– Они свободны, Ронни. Будь и ты таким.

Старик присел на траву, в то время, как внук стоял, высоко вскинув голову – маленькое существо, которое было самым дорогим для Конрада. Ронни смотрел в небо, любуясь птицами, что улетали от них в свете раннего солнечного дня.

– Сорок седьмая. Как слышно? Еду через окраины.

Никто не отвечал Рону. Нужно было позвонить домой. Дебби своим умиротворяющим, мягким характером могла так успокоить, что не требовалось лишних слов, и на мгновение он забыл, что это он за все отвечает, что ситуация, кажется, выходит из-под контроля.

Он нервно оглядывался по сторонам, в надежде встретить какой-нибудь знак, чтобы развеялись его смутные тяжелые предчувствия о чем-то плохом... Но, как назло, чем дальше он продвигался, на душе у него становилось все тягостнее – вокруг не встречались люди. Даже захудалая собака не пробежала мимо. Ни машин, не полицейского постового, ни простого обывателя, обычно лениво бредущего по дороге.

– Алло.

– Алло! – голос в телефоне. – Это ты, Рональд? Алло...

– Да. Меня слышно?

– Да, слышно, милый... Постой. К нам кто-то пришел. Стоит у окна.

– Кто это?

– Это... Я не знаю. Конрад пошел проверить. Я тебе перезвоню.

Рональд посмотрел на парня, что на редкость был немногословен.

– Что молчишь? Так как тебя звали?

Машина ехала по объездной дороге, в обход городским улицам. Глаза Рональда смотрели в зеркальце заднего вида, на осунувшееся лицо заключенного.

– Фрэнк.

– И зачем ты это сделал, Фрэнк? В тюрьму захотелось?.. Всех на уши из-за тебя подняли. А теперь – мы с тобой один на один. Наверное, ситуация круто изменилась, раз к тебе потеряли интерес. Мое дело не встревать. Жаль, что простые люди часто оказываются пешкой в чужих руках.

Фрэнк ничего не ответил.

2.

Конрад подходил к двери. На ступеньках второго этажа стояла жена его внука – Дебби.

– Кто это?

– Отведи детей...

– Что?

– УВОДИ ДЕТЕЙ! – взревел старик. – ГАБРИЭЛА! – его

крик разнесся по всему дому. — БЕГИ ЗА ОРУЖИЕМ! О Господи... — тихо прошептал он, в ужасе отходя от входной двери.

— Веди меня, — шепот позади. — Да ничто и никого я не боюсь, кроме Тебя! Ты Господь мой! Ты моя жизнь! Ты делаешь все, чтобы было мне хорошо...

— Разве Господь говорил тебе делать то, что уже сделано тобою? Страх — это всего лишь обман. Страх остаться в безвыходном положении. Страх не получить желаемого. Просто живи правильно. Для каждого дела свое время. Для каждого взлета и падения. Зачем ты это сделал, парень? Ты понимаешь, что разрушил свою жизнь? Мало захотеть, нужно еще и заработать на свою мечту.

— Слышал новости?

— Какие? — Ронни отвлекся от дороги, посмотрев в зеркало заднего вида.

— В Канзасе птицы попадали. Еще в нескольких местах.

— У нет времени слушать бредовые рассказы.

— Говорят, все небо было в них. Они как будто обо что-то разбивались.

— Когда это было?

— Сегодня утром. Тебя это не настораживает?

— Зачем это меня должно настораживать? Будь добр, лучше помолчи.

Перед застекленной оконной рамой стояли Конрад и Габриэла.

Лица под капюшоном стоящего перед их окном незнакомца не было видно.

– Поднимайся наверх.

– Только не открывай ему.

– Чего Вам нужно? – Конрад пытался глазами выискать лицо во тьме капюшона.

«Открой нам...»

– Что за... – старик схватился за голову, упав на пол.

Ружью отлетело в угол.

«Открой нам, Конрад, мы воссоединимся с тобой и спасем тебя от них. Спасем твою семью, Конрад...»

Из носа старика обильно потекла кровь. Захлебываясь кровью, преодолевая силу сковавших его невидимых обручей, Конрад поднялся на колени, и обезумевшими глазами, сочившимися кровью, посмотрел на тонкого человека. Он протянул руки к незнакомцу, наводящему ужас, как будто хотел дотянуться до его лица, скрытого во мраке густой тьмы.

– ПошшшЕЕЛ К ЧЕРТУ! – из последних сил проревел Пуля, упав в сторону откинутого оружия.

Одежда стоящего перед домом начала дымиться, а затем вспыхнула, срываясь лохмотьями с его тела. Тонкий, в два метра роста, человек в огне стоял перед стеклом, отражая в себе облик подползавшего к ружью Конрада. Пылающая

одежда полностью сползла с пришельца. Необъяснимый, отражающий свет, зеркальный. Рука его коснулась стекла и оно, потрескивая, начало покрываться инеем. Конрад схватился за ружье, и, в тот момент, когда стекло широкой рамы лопнуло, разлетевшись на тысячи осколков, застывших в воздухе, словно очутившихся в безвременье, старик, взирая на эти смертоносные «жала», готовых в следующий миг вонзиться в незащищенную человеческую плоть, как перед последним боем, оперся на ружье и приподнялся.

Он вздернул оружие и развернулся к тому незваному, кто так цинично, разрушая чужой дом, ждал добровольного предложения войти в чужую жизнь, от которой его отделяла тонкая черта порога.

– Никто не тронет мою семью. Иди сюда, мразь!

Стоявшее за застывшими осколками существо тут же появилось прямо перед Конрадом после последних его слов.

ВЫСТРЕЛ!

Разрывная пуля продырявила грудь твари, которая в ответ лишь раскрыла ладонь правой руки, и Конрад отлетел в сторону ступенек, ведущих на второй этаж. Вскрикнув от боли, он, опираясь на них и как-то надрывно кряхтя, вновь потянулся к отброшенному оружию.

«Конрад...»

Взгляд застыл на ружье. Пуля почувствовал пронизывающий холод. И медленно поднял глаза... Зеркальное существо, в сполохах огня, было прямо перед лицом Конрада, от-

ражая в себе его облик. Огонь касался лица старика, но от этого огня было невыносимо холодно.

«Конрад, зачем ты это делаешь?..»

– Они мои. Не смей их касаться, – заиндевелыми губами произнес старик.

На жутком лице без черт появились глаза-омуты. Из груди пришельца начали выталкиваться осколки пули и собираться воедино. Тонкая рука существа приподнялась вверх. Огромные, наполненные чернотой глаза взглянули точно в душу Конрада, опустошив ее.

– Кто же ты?

«Мы те, чье имя Легион»

Собравшиеся воедино осколки пули вонзились в грудь старика.

– Ты... ты... – захлебываясь кровью, захрипел старик, протягивая скрученные пальцы к лицу пришельца, в последнем порыве желая дотянуться до черноты глаз врага.

«Твоя погибель, Конрад»

Фрэнк посмотрел на свои руки, запястья которых от наручников были уже синими, словно у покойника.

В окнах был виден потрепанный квартал: мимо проплывали жилые старые дома, небольшие, одноэтажные, больше похожие на ангары. Людей практически не было.

– Ослабь наручники... Или хотя бы включи музыку.

– Это тебе не клуб, – глаза Рональда то и дело следили за

Фрэнком. – Какую хочешь?

– Что?

– Музыку какую любишь?

– Что-нибудь из классики.

Рональд хотел было съязвить...

– Надо же. Преступник и любишь классику... Зачем ты пошел на это, Фрэнк?

– Моя мать... – Фрэнк опустил взгляд. – Ей нужна операция.

«Зачем, Фрэнки? Зачем? Чем ты помог ей, уничтожив свою жизнь? Что же ты наделал, Фрэнк?!»

Фрэнк вновь замолчал, понимая, что он натворил. Он убил ее. Убил раньше времени. Все было бы не так. Все должно было быть по-другому. Он убил ее. Убил свою мать. Он виновен! Виновен...

– Сейчас она умирает, и все, видя это, не делают ничего, чтобы спасти ее. Она подключена к аппарату искусственного дыхания. Если я не приду туда до конца недели, они... не дадут ей и глотка воздуха. Мне нужны были деньги...

– Деньги нужны всем. Я могу лишь посочувствовать тебе.

4.

– Я самая счастлива-а-а-а-я-я-я!

Этот день она запомнила как самый светлый в ее жизни. Майкл сделал ей предложение, от которого она точно бы не смогла отказаться. Утром рано зазвонил телефон, и она под-

няля трубку.

– Алло. Кто это? – сонливым голосом спросила она, еще толком не успев одеться и придти в себя от беспокойного сна.

На ней были белые трусики и белые носочки, в которых она любила спать. Прозрачная белая майка практически не скрывала ее небольшую грудь. Она еще сама маленькая. Только неделю назад она отпраздновала свои восемнадцать лет.

– Кто это?

– Зои, ты не узнала меня? – засмеялся он в трубку.

– Майкл! – обрадовалась она.

Было семь утра. Зои еще не до конца проснулась. Протирая глазки, как маленький ребенок, она присела на край изящного столика в своей спальне.

– Как у тебя дела, Майкл?

– Я тут ... Я тут подумал. Я давно хотел тебя спросить.

– О чем спросить?

– Я даже не знаю, как предложить тебе это. А-а-а, Бог с ним. Ты выйдешь за меня?

На мгновение в комнате воцарилась тишина. А затем – дикий визг.

– Да-а-а! Я самая счастливая! – раскинув руки, стояла она в машине, несшейся на полной скорости по открытой трассе.

– Я птица, Рассел! Птица!

– Зои, сядь в машину, – улыбался Рассел, чуть сбавляя скорость.

– Да-а-а-а...!

Она чувствовала это – свободу, которая давала представить на своих руках перышки, трепещущие при касании ветра. Она парила, чувствуя, как превращается в птицу! Ветер играл с ее воображаемыми крыльями, неся над пустой дорогой в новую жизнь!

– Я птица, Рассел!

Вместе со своим братом она решила встречать своего жениха, возвращавшегося с военной службы. Радовало то, что его не отправили воевать в исламские страны, а призвали всего лишь пройти годовую военную подготовку недалеко от Небраски. Рассел был счастлив не меньше своей сестры. Если уж кто-то из них и заслуживает счастливого будущего, так пускай это будет Зои. Малышка Зои...

Родителей своих они не знали. Оба провели детские годы в приюте, на юго-западе Иллинойс. Как им самим говорили, их нашли на пороге приюта в одной корзине. Зои и Рассел были двойняшками. Они никогда не знали, что такое родительская любовь, и с самого раннего детства им нужно было уметь рассчитывать только на самих себя. За кошмарный период сиротства им приходилось испытывать и голод, и насилие, и унижение, а под конец их и вовсе умудрились разлучить, отправив Зои в Аризонский центральный приют, а Рассела в совершенно иное место. Когда Расселу исполнилось восемнадцать лет, его буквально выгнали на улицу. Найдя одну из самых низкооплачиваемых работ и сняв де-

шевую комнату, он взял опеку над своей четырнадцатилетней сестрой и забрал ее с приюта. Спустя два месяца снова пришлось жить на улице, а потом и вовсе отправиться в путешествие по штатам в поисках лучшей доли. Рассел вспоминает, как они пели и танцевали на улице, пытаясь заработать пару долларов. Сейчас ему хотелось посмотреть на небо и тихо прошептать своим родителям, что теперь им не стоит беспокоиться за своих детей, теперь все будет иначе. Они пережили самые трудные времена.

5.

Сквозь закладывающий уши гул прорывался тонкий писк и чей-то отдаленный грубый крик.

– Гектор! Вставай, черт возьми! Гектор!..

Гектор приходил в сознание. Звук... Этот звук убивал его. В небе просвистели снаряды, и земля вновь содрогнулась от взрывов, после одного из которых он свалился, на пару минут отключившись. Где они теперь? Куда их забросили? Он все забыл. Парень, что тащил его с открытого простора, кажется, голосом походил на Самира.

«Черт возьми, это он! Тащит меня за шкуру. Его лицо проскальзывает надо мной на фоне задымленного неба, и я еле удерживаю себя, чтобы снова не потерять сознание, шум в моей голове полностью захватил мое сознание. Самир волочит меня по неровной земле. Она еще горячая от снарядов и крови. Высокий ветер отчаянно пытается рассеять дымку, но голубые проблески атмосферы быстро перекрывают ис-

требители, что с ярко выраженным свистом маневрируют в небе, подобно гончим «псам» на крутой трассе.

– Оруж...е-е-е!

Оружие? Оружие осталось на том месте, где я подорвался. Голос Ганса – моего командира проясняется. Но с ним же, и тот ненавистный звук снова ворвался в мою голову! Тот, что долго будет сниться мне в моих кошмарах... Звук взрывающихся бомб. Я поднимаю свою левую руку – и вижу лишь кровоточащую культю... Рвотная масса подступила к горлу.

– Гектор! Поднимай свою чертову задницу! Гектор, ты ...

Снова взорвался снаряд, поднимая ввысь землю и разорванные трупы солдат. Кто-то поднял меня над землею, словно я перышко, хотя такое двухметровое перышко, как я, не так уж и просто поднять.

– Гектор, черт возьми! Приди в себя! Гектор... – и снова взрыв заглушил его крики.

Господи, когда они закончатся?

– Гектор Джонс!

Все, что я помню, так это свист пуль и ужасный грохот. Я попытался встать на свои губчатые ноги, так как мне больше ничего не оставалось делать: чей голос я с трудом мог различить, держал меня за шкурку, как щенка. Мне уже двадцать, и я достаточно превосхожу силой и ростом своих ровесников. Удержать на весу такого бугая, как я, смог бы только Джед Рид – «Стальная Скала», так мне казалось. Мы часто недооцениваем тех, кто находится рядом.

– Гектор! Очнись, мать твою! Если ты сейчас же не возьмешь себя в руки, я засуну эту винтовку тебе...

Среди грохота взрывов, немец Ганс еще пытался со мной говорить. Из-за моей контузии реальность выглядела изломанно и странно...

– Черт, ты оставил оружие там с собственной рукой, мать твою! Черт бы вас побрал, сукины дети! Они не дают нам подобраться к ним! Где чертово подкрепление?! Марк, окажи помощь Гектору! Джек, ко мне!..

В то время, как на земле солдаты насытили горячий песок своей кровью, в небе все еще бушевал ад: истребители исламских государств отчаянно маневрировали в небе, пытаюсь отражать атаки наших летчиков, от нескончаемого грохота и свиста пуль трудно было различить чей либо крик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.